

Монотонное движение вперёд убаюкивает меня после бессонной ночи не хуже тёплого шатра. В преддверии сна в голову лезли всякие мысли. Подумалось, что Награнду повезло, что орки приходят осенью, когда растения уже приготовились к зиме, и весной, когда снег ещё лежит — в противном случае нагрузка на природу была бы существенно больше. Привал — снимаю с плеч ремни волокуши и присаживаюсь на них — сейчас поем и чуть-чуть вздремну.

Бьюкигра принесла парящую миску — дую на густую кашу, стараясь поскорее её остудить, и тщательно прожёвываю — быстро проглоченная, она не отдаст всей своей пользы. Кайнати присела с противоположной стороны, а я, прислонившись к её спине и свесив руки и голову, погрузился в дрему. Кажется, только присел — а уже опять нужно идти. Но даже такой отдых чуть разогнал туман и прояснил мысли.

Начал накрапывать мелкий дождь, но шаманы, собравшись вместе, за минуту разогнали его. Посмотрев на их работу, вспомнил кое-что важное. Чернокнижники, которыми станут шаманы в будущем, не утратят способности колдовать вместе. А вот людские маги — те ещё индивидуалисты. С чем связана их неспособность соединять чары — не знаю. Но скорее всего, это просто сила традиций. Вряд ли они физически не способны сработаться вместе.

Небо разъяснилось, даже осеннее солнце показалось, но траве осадки уже не нужны. Привычное, но в то же время завораживающее зрелище. Как скоро я смогу повторить подобное — неизвестно, но я приложу все усилия для этого! Шаманизм уйдёт, заменённый демонической магией, но не пропадёт окончательно. Тот же Дрек'Тар, несмотря на многие годы использования Скверны, вернётся к нему, пусть и в другом мире. Мысленно усмехаюсь, вспоминая, как разбирал примеры магического искусства. Каким же наивным я тогда был! Вычеркнул шаманизм из своего арсенала, но стоило появиться способностям — хватаюсь за них двумя руками и снова строю множество планов!

Вечерело, клан, встав на стоянку, готовился ко сну, а я, оставив жён собирать жильё, отправился к Хатгауту. Старый орк разворачивал шатёр, и я молча присоединился к его работе. Возникло чувство, что я всё ещё живу с наставником. Закрепив последний ремешок, складываю дрова в очаг, но старый шаман не спешит их поджигать.

— Учитель, за время пути у меня возникло много вопросов.

— И ты не пытался найти на них ответы? — чуть иронично спросил седой орк.

— Не всё можно измыслить самому.

Молчим, но я уже привык к такому общению. Набив трубку, Хатгаут вновь наполняет шатёр терпким дымом.

— И что же так заинтересовало молодого шамана, что он не утерпел до клановых земель?

— Многое. Но больше всего клан, в котором талбуки заменили волков. Как так произошло, учитель?

— То спросишь у шамана Степных Бегунов, на весеннем празднике. Ещё что-то?

— Я бы хотел узнать, каким ритуалом ты с остальными шаманами разгоняешь дождь, зажигаешь огонь или бьёшь молниями, но скорее всего, знать это мне пока рано.

Тут Хатгаут расхохотался, сильно, до слёз. Не знаю, что его так рассмешило, вроде говорим о серьёзных вещах... Отсмеявшись, старый шаман вытер выступившие слёзы и, сделав затяжку,

пояснил: — Веркарнак, дух, что встретил тебя первым в священной горе, строго наказал, чтобы я учил тебя общению со стихиями лишь после того, как ты остынешь и перестанешь спрашивать, когда же я буду тебя продолжать учить.

Вот же старый хрыч. «Торопишься-торопишься» — мысленно передразнил мёртвого шамана. Повезло, что меня слишком сильно впечатлили талбуки, не смог утерпеть до завтра, а выяснив, где про них можно узнать, собирался откланяться. Но не вышло.

— На ходу спишь, Аргнак, — раздался голос учителя. — Но так, может, и лучше.

Сказав, что достаточно бодр, чтобы внимать его словам (хотя спать хотелось страшно), приготовился слушать.

— Прежде чем приступим к тренировке, послушай, что от тебя требуется. Стихии своеобразны, и чтобы правильно донести до них просьбу, нужен правильный настрой. Вспомни священное озеро, свою инициацию. Те ощущения сильно помогут тебе продвинуться по пути шамана.

— Когда лицо горело огнём? — задаю вопрос наставнику.

— Нет, после. Разве не чувствовал ты, как делишься своими силами с водами озера?

— Отлично помню.

Как не помнить, не будь у меня под рукой варенья со звездолистом, был бы всю ночь выжатой тряпкой.

— Раз помнишь, так сейчас проверим. Сам ты пока до стихий не дозовёшься, зато силой с ними делиться уже умеешь. Вот сейчас дрова-то и разожжём. Я пока огонь призову, а ты его напитаешь, а после представь, как дрова разгораются.

Усаживаюсь возле очага, Хатгаут садит с руки маленький язычок пламени на конец хворостины. В отличие от обычного огня, он ощущается по-другому — теперь я это точно чувствую. Даже сонливость отступила — одно дело смотреть на шаманов со стороны, другое — самому управлять стихиями! Снова толчок в районе пупка, ощущение разматывающейся ниточки, устремляющееся к огоньку — вглядываясь в него, вижу, что он отличается не только поведением (не расползается по ветке, не гаснет, не дымит), но ещё и выглядит по-другому. Всматриваюсь и понимаю — вокруг него, помимо обычного, распространяется и потусторонний свет. Как вокруг духов предков из священной горы. И по мере его напитки он всё усиливается. Так, а сколько вообще этому проглоту надо?

— Стой. Пока не зажигай, — послышался обманчиво-спокойный голос Хатгаута.

Подойдя ближе, он взмахнул рукой, огонёк разросся, охватывая топливо. Треть веток мгновенно обуглились, огонь весело затрещал, но потусторонний свет из него пропал.

— Не успел и трубку как следует раскурить, а ученик уже чуть пожар не устроил. Как себя чувствуешь?

— Устал, — отвечаю, прислушавшись к своим ощущениям. — И, пожалуй, проголодался.

— Поначалу всегда так — и сил мало, и тратить правильно не умеешь. Будешь нам в ритуалах помогать, так и научишься. Но на сегодня хватит.

— До завтра, учитель.

Иду домой, усталость чуть отступила. Похоже, нельзя будет поколдовать, потратив всю ману, а дальше рубиться врукопашную — слишком уж всё взаимосвязано. Или это зависит от тренированности? Надо будет позже учителя порасспросить.

Прошло несколько дней, по вечерам я ходил к Хатгауту на занятия, учась делиться маной с духами стихий. Сами призывы пока не осуществляю, но зато могу узреть даже невидимых обычным оркам духов стихии воздуха. Во время занятия Хатгаут проверяет, чтобы я не отдавал лишнего — мелкие духи всё равно не смогут усвоить столько маны. Да и в перекормленном состоянии могут не удержать полученную энергию и высвободить её всю за раз вместе со своей — а мгновенно сгоревшие дрова в шатре — гарантированные тяжёлые ожоги, если не хуже. Правда, если перестарался — можно просто отпустить духа стихии, и он уйдёт. Пока запасы звездолита не трачу — организм должен сам привыкнуть забирать ману из окружающего мира, а потому хожу с упадком сил и лёгким магическим истощением. Но завтра занятий не будет — мы вновь проходим вдоль леса Террокар, и я должен быть бодрым и сосредоточенным.

Движемся быстро, даже быстрее, чем когда шли на праздник — часть продуктов, что везли в первый путь, уже съедена, а на ярмарке ничем тяжёлым и громоздким не затаривались. Бьюкигра с Кайнати везут волокуши, а я нахожусь в одном из отрядов, прикрывая колонну со стороны леса. Мрака оставил с девушками — больно молодой, боюсь, при возможной атаке огров может не увернуться от их дубинок.

Выкорчевать бы часть леса, чтобы обезопасить путь — но никому из орков эта мысль в голову не приходит — участок этот частью прилегает к землям Северных Волков, частью — к клану Чёрной Горы, а потому хозяйничать другие тут не станут. Да и сам лес скрывает внутри целый город дренеев — а такие земли ещё более неприкосновенны, чем орочьи. Почему-то дреanei терпят соседство с ограми и гроннами. Помню, их город неплохо защищён — не то иллюзией, не то каким-то защитным полем. Ведь мало просто сделать дома невидимыми — враг, не подозревая, может и войти на улицу.

Всматриваюсь в чашу — пока всё спокойно, и дай духи, чтобы так и было, пока мы не минуем этот участок. Но мои молитвы не были услышаны — впереди послышался треск, гортанный вой, а над деревьями поднялась одноглазая фигура, размахивающая лапами. Гронн. А где эта тварь — там и огры. Сверля нас злобным взглядом, гронн резко проревел приказ, усиливший треск и топот со стороны деревьев, но сам в атаку не пошёл.

Мне «повезло» — на наш отряд несётся сразу четыре высоких фигуры, размахивающих дубинами и орущих на исковерканном общем: — Плющить! Плющить!

Натягиваю тетиву — стрелы слабо помогают против огров, но даже они замедляют эти машины смерти. Целюсь в корпус набегающему врагу — в голову мог бы и убить, но, скорее всего, промажу. Хлопок тетивы, натягиваю лук вновь, не чувствуя сопротивления лука, отправляю следующий смертоносный гостинец. Теперь лук в налuch, и метаю пику — чтобы остановить такую тушу, упора в землю точно не хватит. Выхватываю топор, и наш отряд разбегается, уворачиваясь от мелькающих дубин.

Смотрю в глаза набегающей смерти — дубина высоко вздета над головой, и сам бегу вперёд,

перехватив топор клевцом вперёд. Загудел воздух, рассекаемый небольшим деревцем в лапе врага, но массивность оружия сыграла против огра — ускорившись, подныриваю под удар. Взмахнув топором, впечатываю его в колено врагу. Пробежав дальше, не бросаюсь на покотившегося по земле противника, а мельком осмотревшись, оглядываю обстановку — глупо будет, добывая врага, попасть под дубину другого огра.

Но прочие уже завязли в своих схватках, а потому бегу к упавшей туше — добить.

— Плющить! Мара, мясо... — бормотал огр.

Успевший подняться гигант опирался на повреждённое колено, заметив меня, перевалился в мою сторону, нащупывая выроненную дубину. В его груди торчала пара обломанных стрел, и стекала струйка крови из раны, оставленной пикой — сама она уже выпала. Оббегаю его с боку, уворачиваюсь от лапищи и пробиваю клевцом череп, завершая схватку. Отскакиваю в сторону и резко оглядываюсь по сторонам, высматривая, не нужна ли где моя помощь. Но засада уже себя исчерпала, и лишь гронн возвышается над деревьями. Нападать он не стал — развернувшись, грузно стал отходить вглубь леса. Преследовать его не стали — среди деревьев трудно увернуться от сокрушительных ударов, но Хатгаут придал ускорение отступающему врагу, подпалив его молнией.

Подскакал Гултадор с окровавленным оружием, пасть его волка тоже была выпачкана тёмно-бордовой кровью.

— Потери? — цепко оглядев нас, спросил вождь.

— Разобрались без потерь, — докладывает Гунрагр, временный командир нашего отряда.

— Собирайте трофеи и готовьте дрова, — отдал распоряжение вождь и поехал дальше.

Дрова — значит, не все так удачно отбились, как мы. Будет погребальный костёр. Иду к своему огру — забрать клыки и немного крови, чтобы разрисовать лицо. Несмотря на то, что кожа у них прочная, кроме клыков орки с них ничего не берут — запрещают обычаи. Ворочаю дурно пахнущую тушу — похоже, они вообще не моются. Сально-скользящая кожа, лысый череп с пробоиной от клевца. Переворачиваю его на спину, чтобы добраться до наконечников. Раньше видеть их настолько близко мне не доводилось — детям нечего делать на поле битвы. Смерть никого не красит, но черты огра отнюдь не уродливые — вполне симметричное лицо, без видимых уродств и патологий.

Разрисовываю лицо кровью огра, вырубая клыки — завидный трофей в наших землях. Дубины огров и часть свороченных ими деревьев пошли на погребальный костёр — клан потерял одного волка и молодого охотника — тот не успел увернуться от дубины, и повреждения оказались так велики, что испустил дух до прихода шаманов.

— Аргнак, ты не ранен?! — спросила меня взволнованная Бьюкигра.

Во время нападения огров они с Кайнати бросили волокуши и выдвинулись чуть ближе к месту схватки, готовясь стать последним заслоном между врагом и детьми.

— Нет. Оружие огра было слишком массивным, чтобы быстро им размахивать. Будь у него одни кулаки, так просто я бы не увернулся.

— Вот и хорошо, — сказала Кайнати, обнимая меня.

— Приберите пока, — протягиваю им клыки огра.

Успокоив жён, отправляюсь исполнять свои обязанности шамана. Брёвна для костра уже готовы, и орки складывают целый помост в несколько слоёв. Никто не скорбит, смерть — обычное дело для нас, а такая — ещё и почётна. Но лично я постараюсь избежать такой чести.

Тела огров останутся на поживу воронам и кровавым ястребам, а может, их подберут другие огры. Вот мёртвого охотника разместили поверх сложенного костра, рядом с тушей волка. Начинаем обряд прощания с павшими. Окружаем костёр, я вновь делюсь с призванным Хатгаутом духом огня своей силой. Вслед за воздетыми вверх посохами взвилось пламя, жадно пожирая брёвна и тела, призванные духи воздуха ещё сильнее раздувают пламя. Высота пламени превысила шесть орочьих ростов, а сонмы искр вперемешку с дымом летели ещё выше.

Хотя мы стоим ближе всех к бушующему огню, жарко не было. Казалось, весь жар сосредоточен в самом костре, превращая не очень-то сухие брёвна в угли и пепел. Прошло не так уж много времени, но костёр, поддерживаемый стихией огня, успел справиться и с дровами, и с телами, превратив их в невесомый пепел. Ещё взмах шаманских посохов — и остатки костра устремляются в небо, символизируя полёт души к священной горе.

Дальнейший путь прошёл без происшествий, по вечерам я продолжал учиться делиться маной со стихиями и уже меньше уставал. Или, если точнее, легче переносил истощение. Помня слова Хатгаута, не просил форсировать обучение — дух старого шамана мог и ещё каких условий наговорить моему учителю, раз уж я «сильно тороплюсь». Как не прислушивался, как не сосредотачивался — не мог уловить, как Хатгаут призывает стихии. А самое главное — откуда они появляются? Не самозарождаются же они от избытка маны и желаний шаманов?

Местность снова становилась гористой, и мы добрались до пещеры, где оставили всё лишнее. Сейчас я буду не просто зрителем, но и непосредственным участником. И пусть мой вклад пока не так велик, как у прочих шаманов, но он всё равно есть. Плюс это уже работает на мою репутацию, возвышая меня над другими охотниками. Но я не зазнаюсь — у шаманов свои заботы. Подстелив шкуру, усаживаюсь вместе с остальными, замедляя дыхание. Стихия земли не терпит спешки — духи земли уже откликнулись (место, где постоянно призывают духов стихий, способствует их быстрому призыву), но ещё не двигают мегалит, насыщаясь нашей маной.

Дар получен и усвоен, камень отодвигается в сторону, словно невесомая пушинка, открывая проход к клановым вещам. Сегодня совсем не устал — остальные шаманы вкладывались в призыв куда больше. Ещё несколько дней, и мы наконец вернёмся на клановые земли. Дорога мне привычна, но я давно не охотился и успел по этому соскучиться.

Три недели спустя, городок дренеев.

Пришло время торговли с кланом Разящих Топоров, но орки где-то задерживались. Разумеется, точного времени не было — но от начала обычного посещения прошла уже неделя, заставляя Фетису волноваться. Дренеи умели ждать, долгая жизнь этому сильно способствует, но девушку томила неопределённость. Почему они ещё не пришли? Может, клана Разящих Топров уже нет — напали соседи, истребив или поглотив их? Слияние после войны — обычное дело, но Аргнак мог и не пережить подобного — многие охотники гибнут на войне. Криво

усмехнувшись, Фетиса подумала, что это была бы самая жестокая шутка судьбы для неё, за исключением гибели наару. Судьба. Велен говорил, что она переменчива, видения будущего правдивы, но они состоят из сотен поступков и событий, зачастую не связанных друг с другом. И не будь её на том обмене, сейчас любознательного орка ждала бы другая дрениейка, готовясь обучать своему языку. Тряхнув рожками, девушка отогнала прочь неприятные мысли. Аргнак — её. Почему он задержался — неважно. Нужно лишь переждать ещё один томительный день. Даже любимое занятие не приносило облегчения — кисти валились из рук, и рисовать совсем не хотелось. «Пойду пробежусь с подругой» — решила девушка, собираясь на улицу.

День спустя, Аргнак.

Перед посещением дрениеев вождь решил устроить небольшую стоянку — дня на два-три, чтобы орки отдохнули с дороги и пополнили припасы охотой. Разбив шатёр, мы с девушками решили поохотиться на кабана. Осенью они самые лучшие — отъевшиеся, разжиревшие, и за счёт этого — менее проворные. Впрочем, матёрых вепрей добывать не станем — нам нужен сеголеток или, максимум, двухлеток. Готовимся к охоте, обговаривая тактику — ранить стрелами и принять на пику. Мрака взяли с собой — пора ему привыкать действовать на охоте сообща.

Воздух уже достаточно холодный, чтобы превращать наше дыхание в пар. Бежим в сторону от основных охотничьих маршрутов других охотников — не хочу перебивать им охоту, да и нам будет проще найти не потревоженную дичь. Волчок время от времени вынюхивает чьи-то следы, делает стойку, но видя, что мы не обращаем внимания, догоняет наше трио. Вот он поймал на бегу полевую крысу — не успела скрыться в норе и подвернулась ему на зубок. Действительно, сейчас ему такая добыча именно что на зубок — растёт он очень быстро, хотя ещё не избавился от подростковой угловатости. Но Хатгаут говорит, что вырастет он большим — лапы ещё в детстве у него были широкие.

Три часа лёгкого бега позади — останавливаемся попить и перевести дыхание, Мрак деловито нарезает круги вокруг нас, внюхиваясь в пожухший травостой.

— Куда дальше направимся? — спросила Бьюкигра, оторвавшись от бурдючка.

— Думаю, можно навестить кусты орешника — там наверняка должны быть их следы.

Дикие свины любят полакомиться орехами — они очень питательны. Проверив луки, бежим к показавшимся вдалеке кустам. Мрак уже издали зарычал — явно почувствовал что-то угрожающее. Самих кабанов мы не застали, но здесь было множество следов, кое-где земля была изрыта, а на самих кустах были клочки кабаньей шерсти — видимо, чесали бока. Волк, издав ещё один горловой рык, принялся внюхиваться в следы, пробежав вдоль кустов, устремился в поле. Мы позвали его назад — стадо, пусть и небольшое, но связываться с вожаком не хотелось — матёрый зверь. Поищем следы помельче — может, найдём одиночку — подросших кабанят главный вепрь изгонял из стада, стоило им только чуть повзрослеть. Был ещё вариант устроить засаду, но здесь не болотистая местность, где можно и зимой без труда выкапывать корни, а значит, звери могут и не появиться здесь ещё несколько дней.

Хотя, засада была бы предпочтительней — первый удар, с лучшей дистанции и на своих условиях — почти гарантированная победа над зверем. Но времени нет — выбрав следы одиночки, побежали догонять зверя. Судя по всему, оставлены они не более половины дня назад — земля уже промерзает, и следы сохраняются лучше, чем летом. Бежим по следу уже

час, и судя по поведению Мрака — запах усиливается. Вот ещё одно преимущество своего волка — он лучше держит след, а когда подрастёт и наберётся опыта, научится выбирать наиболее свежий и перспективный. Местность почти ровная — плавные обводы холмов редко достигают в высоту и трёх орочьих ростов, а почва постепенно становится более сырой и болотистой. Похоже, кабан решил заесть орешки свежевыкопанными овощами.

Замедляем бег — кабаны — твари чуткие. Зрение у них не очень, зато слух и обоняние — выше всяких похвал. Крадёмся вперёд, стараясь не только выследить зверя, но и не наткнуться на других кабанов — судя по следам, это место у них очень популярно. Пригибаемся, чтобы не сильно отсвечивать на фоне неба — так меньше вероятность, что нас заметят. Мрак сделал стойку, прижал уши к голове, но не рычит — явно кого-то заметил. Вскоре и мы, сосредоточившись на местности, куда была повёрнута его морда, заметили тёмно-коричневую тушу. Кабанчик. Мелковат, зато один — видимо, не так давно его вожак от стада отвадил. Приседаем ещё больше, чтобы не вспугнуть добычу. Тихо достаём луки, накладываем стрелы. Кабан принюхивается, недовольно похрюкивая — молодой и глупый. Видно, с орками ещё не встречался — иначе уже давно бы убежал. Но нам же лучше — пусть и далеко, но лучше сейчас ранить его стрелами, чем стрелять вдогонку.

Запели тетивы, отправляя в полёт смертоносные гостинцы. Получив одну стрелу в бок, одну в пятак и одну в загривок, свин подскочил на месте и заметался, ослепнув от боли. Придерживаю Мрака за шлейку, не давая сорваться в атаку. Выпускаем ещё по стреле, выцеливая мечущегося зверя — встречать его копьями и топором пока не надо. В идеале лучше бы он свалился от ран, нанесённых стрелами. Но вот кабан сориентировался, и вместо того, чтобы наказать обидчиков, сорвался прочь. Вскакиваем и бежим следом — теперь он от нас не уйдёт!

Местность становилась всё более болотистой, начали появляться небольшие водоёмы, но мы постепенно нагоняем добычу — три стрелы его всё-таки хорошо ослабили. Вот он остановился и развернулся в нашу сторону, сверля взглядом мелких злых глазок — понял, что не убежать, или почувствовал приближающуюся смерть и решил продать свою жизнь подороже. Мчится на нас, пусть и не так шустро, как удирал, свист стрел снова наполняет воздух — мишень хоть и движущаяся, но простая. Несётся по прямой, и нам остается только взять небольшое упреждение. Свой выстрел придерживаю до последнего — несётся он точно на меня, а вблизи выстрел будет особенно убойным. Да и скорость кабана прибавится к выстрелу. Хлопок тетивы отправляет вперёд и мой гостинец, стрела втыкается ему в плечо.

Нога вепря подломилась, и зверь покатился по земле. Убираю лук в налучье, перехватываю пику поудобней, и мы с Бьюкигрой бежим к нему. Быстроногая девушка оказалась возле него раньше, подпрыгнув, наколола встающего зверя, повиснув всем телом на копье. Сила разбега и вес девушки позволили пробить шкуру и глубоко пропороть бок зверя, я же ударил пикой в район шеи, ограничивая манёвр зверя. Теперь осталось его удержать, не давая вырваться. Мрак напал на кабанчика сзади, вцепившись в заднюю ногу, стал мотать головой, расширяя рану. Дикий визг, рык волка и радостные выкрики девушек — ещё чуть-чуть, и зверь испустит дух! Похоже, последняя атака была предсмертным выплеском сил — или стрелы, пущенные вблизи, нанесли больше повреждений. Впрочем, и удар копыта Бьюкигры списывать не стоит — так пропороть бок!

— Справились! — Кайнати опустила лук.

— Да, похоже, готов, — произнесла Бьюкигра, пошатав копыё в ране.

Набрав крови, разрисовываем друг другу лица — добыча пусть и мельче, чем мне бы хотелось,

зато и опасности было меньше. Мрак умудрился отгрызть ногу, и теперь, уместив её между лапами, отгрызал от неё по кусочку. Выволакиваем добычу на сухое место и приступаем к разделке.

Утро следующего дня, стоянка Разящих Топоров.

Вчерашняя охота позволила сбросить негативные эмоции, что остались ещё со времени посещения священной пещеры. Позавтракав свежесваренной колбасой, готовлюсь идти на учёбу.

— Аргнак, когда ты сделаешь посох шамана? — спросила меня Бьюкигра, отложив в сторону клок шерсти, который скручивала в нить.

— Как только Хатгаут расскажет, что мне для него нужно.

Сегодня мне помимо письменных принадлежностей и обычных ингредиентов для зелий понадобится ещё и шаргор. И ещё — глиняная плошка. Можно, конечно, сделать и трубку, но не хочу получить вредную привычку подрывать своё здоровье. Хотя на Хатгауте это как будто и не отражается — старик уже пережил и своих детей, и кое-кого из внуков.

— Ладно, красавицы, — обращаюсь к жёнам. — Сегодня задержусь.

— А насколько? — интересуется Кайнати.

— Не знаю. Как получится.

По пути до шатра учителя почти никого не встретил — большинство орков ушло на охоту, навёрстывая проведённое в долгих переходах время. Да, охотиться время от времени нужно каждому взрослому орку. Ну, может, за исключением лукаря, волчатника и, может, кузнеца — у них есть другая отдушина. Прохожу в шатёр, встречая внимательный взгляд учителя.

— Я принёс всё, о чём мы вчера говорили.

— Хорошо. Ты выспался? — задал старый шаман неожиданный вопрос.

— Выспался отлично. Вчерашняя охота вернула мне спокойствие духа, — делюсь с наставником источником своей бодрости.

— Тогда записывай. Я уже рассказывал тебе об иерархии духов стихий и их особенностях. Теперь поговорим о самом призыве. Ты научился делиться силой со стихиями, и уже замечаешь, когда рядом находится кто-либо из них. Они не всегда присутствуют в нашем мире, за исключением особых мест, вроде Трона Стихий. Но призвать их можно всюду.

Переведя дух, Хатгаут приложился к кружке, смачивая горло. Я прилежно записывал его речь, не пытаясь сократить — потом, как набело буду переписывать, дополню своими наблюдениями и комментариями.

— Точнее, они могут явиться, услышав твой призыв. Но если ты нарушал заповеди предков, стихии могут и отвернуться, срок зависит от тяжести проступка и твоего раскаяния. Ещё одной преградой для вызова стихий может стать то, как ты это делаешь. Что ты чувствовал, когда я призывал огонь? — прервал свою речь вопросом Хатгаут.

— То, что он появляется. Как будто из ничего.

— Да, духи приходят быстро. Так вот, в первый раз легче всего призвать ту стихию, которая тебе ближе всего. Узнать её можно несколькими способами. Первый — спросить духов предков на священном празднике — там лучше всего раскрывается твоя суть. Второй — посмотреть на характер. Твоя основная стихия — огонь, Аргнак.

Вот это откровение. Конечно, вспоминая шаманов своего клана, склонен согласиться с такой оценкой. Краренрун — спокоен и медлителен, Галилук — пышет отменным здоровьем (хотя шаманы редко болеют), а Девтазир весьма подвижен. Но я — и огонь? Никогда не замечал за собой вспыльчивости. Или как влияет эта стихия на характер?

— А какая стихия у тебя, учитель? — задаю интересующий меня вопрос.

— Тоже огонь. Но вернёмся к уроку. Ты не зря на всех прошлых занятиях делился маной со стихией огня, привыкая и сродняясь с ней ещё больше. Теперь тебе будет легче наладить с ней контакт. Приготовь шаргор, как будешь готов, выпьешь это, — Хатгаут протянул мне чашку с каким-то отваром.

Понюхав, уловил знакомый запах, вернувший меня в день вселения — такое питьё давал мне учитель, чтобы я заснул. Пожав плечами, измельчаю принесённую траву в глиняную плошку — дым её облегчает контакт с духами. Работа не заняла много времени, но прежде чем выпить, поинтересовался составом: — Что в чашке, наставник?

— Немного каменного корня, щепотка мозгольника и листья морфора. Питьё поможет тебе отрешиться от ощущений тела, что облегчит контакт.

Дрова в очаге уже пылали, подцепив полешко за необгоревший край, щелчком когтя сбил уголёк в глиняную плошку. Хлебнув горького зелья, подношу плошку к носу, втягивая дым. Удерживаю её возле лица, чтобы дым зря не развеивался. Может, шаманы были правы, говоря об удобстве трубки? Но я не хотел привязываться к курению. Впрочем, это не первый мой план, что может претерпеть изменение. Выпитый отвар чувствовался по всему пищеводу, распространяя онемение. Запах дыма почти не ощущался, треск поленьев в очаге отдалился, зато стук сердца громом отзывался в ушах.

Начинаю чувствовать свой кровоток, вспышками — верх, низ, верх, низ, удары сердца превратились в звонкий перестук, сквозь который пробивался монотонный голос учителя. Слышу, но не понимаю, вижу, что очаг сияет, наполненный маной. Хатгаут постарался? А зачем? Точно, мне же нужно дозваться до стихии огня. Очаг — огонь, мана — стихия огня. Почему? Огр, что со мной? Зов. Гул пламени. Чувство жжения. Неестественно яркий свет.

Марево, как над раскалёнными солнцем песками. Сознание прояснилось, вижу в очаге яркий язычок пламени, что откликается на мои команды. Увеличивается, вырастая на руку вверх, изгибается и пляшет.

— Поздравляю, Аргнак. Твой первый призванный дух стихии. Удерживай его, пока хватит сил.

— Хорошо, учитель.

Сколько я просидел, делясь маной со сгустком живого огня, я не знаю. Всё это время я экспериментировал с ним, представляя, как он изменяет свою форму и цвет. Он мог и летать, но на это тратилось больше сил, чем когда он находился в очаге. Посадил огонёк и на руку — горячо, но не обжигает. Сродство с огнём стало для меня очевидным. Мы действительно были

схожи, но к обычному огню в очаге это не имело никакого отношения. Чувство единения нельзя было передать словами, но я определённо чувствовал намерения моего напарника.

— Хватит, отпускай духа, — вырвал меня из созерцательного состояния голос Хатгаута. — Есть будешь?

— А сколько прошло времени?

— Обед уже успел свариться и остыть, пока ты духа огня на руке держал.

— Как отпустить стихию? Перестать подпитывать своей силой?

— Нет, пожелай, чтобы он вернулся туда, откуда пришёл.

Сосредотачиваюсь на огоньке, обещая в следующий раз снова позвать его, и вижу, как он истаивает.

— Я, пожалуй, перекушу, но немного.

— Угощайся, — кивнул Хатгаут на котелок.

Каша. Взяв пустую плошку, размазываю её по тарелке, чтобы быстрее остыла. Утолив лёгкий голод, отправляюсь домой.

Родной шатёр встретил меня теплом и уютом.

— Наконец-то, Аргнак! — сказала Кайнати.

— Обедать будешь? — спросила Бьюкигра. — Или ты у Хатгаута поел?

— Конечно, буду! Разве я могу не отведать вашей стряпни?

На обед был суп с кабаньим мясом, колбаса и лепёшки. Девушки попивали травяной отвар, пока я насыщался. Во время обеда рассказал жёнам, что удалось призвать младшего духа огня. Как мог, пересказал свои ощущения — думал, будут скучать, слушая мои косноязычные объяснения, но нет, им было интересно. На сегодня осталось ещё одно важное дело, и не стоит его откладывать до вечера. Осталось только определить, в стойбище ли вождь.

— Бьюкигра, ты не знаешь, Гултадор дома?

— Нет, Аргнак, мы никуда не ходили. Но если хочешь, я выясню, — сказала девушка, заправив косичку за ухо.

— Было бы неплохо. А я пока приготовлю подарок вождю.

Увидев невысказанный вопрос, поясняю: — Нужно убедить вождя, чтобы он разрешил нам остаться у дрениев после обмена.

— Я мигом! — Бьюкигра, одевшись, выскользнула прочь.

Кабаний окорок, связка свежеприготовленных колбас, шкурка белого меха, выменянная нами на варенье на ярмарке. Приходить с просьбами к вождю без подарков было не принято. И

пускай в перспективе моё обучение принесёт пользу всему клану, это всё равно оставалось личной инициативой.

— Аргнак, а Хатгаут тебя ещё не научил, как делать посох? — спросила Кайнати, наблюдая за моими приготовлениями.

— Пока нет, — отвечаю орчанке, увязывая провизию.

— Но как же без посоха, ты ведь теперь полноценный шаман!

— Я и без посоха шаман. Но если хочешь, поможешь мне его украсить, если это возможно.

— Ой, спасибо!

Вернулась Бьюкигра, оглядев приготовленное, сказала: — Вождь на месте и отъезжать пока не собирается.

— Отлично. У него на приём много народу?

— Никого нет, — сказала девушка, проведя рукой по меху.

— Значит, я скоро вернусь.

— Думаешь, удастся уговорить вождя отпустить нового шамана? — уточняет Бьюкигра.

— Если не попробую — ничего и не получится.

— Ты прав, — обняла меня орчанка.

— Ладно, пойду я уже, — покрепче обняв жену, отстраняю её и собираюсь на выход.

Народа у главного шатра и впрямь не было — сейчас относительное затишье, и я им воспользуюсь. Вхожу в шатёр, (статус шамана позволяет делать это без приглашения, если ранее не было приказов, запрещающих беспокоить вождя) и вижу Гругаву, что принимает посетителей.

— У меня есть личный разговор к вождю, — говорю, чтобы сразу обозначить цель прихода и избежать лишних вопросов.

Кивнув, та заглянула за внутренний полог и жестом пригласила меня проходить. Гултадор, как обычно, выглядел внушительно. Цепкий взгляд внимательных глаз обежал меня, на миг задержавшись на грузе в моих руках.

— Приветствую, вождь. Скоро наш клан будет торговать с дренеями, и я прошу разрешения на время остаться с семьёй у них. Фетиса, дренийская девушка, согласилась обучать меня своему языку.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь брови сместились чуть ниже и теснее.

— И ты решил, что я отпущу молодого шамана?

— Это принесёт выгоду всему клану, — привожу довод в защиту своей просьбы.

— Дренеи и так знают наш язык, и готовы торговать в любое время года.

— Общение с ними позволит лучше узнать, как они живут. Я постараюсь узнать их секреты, что усилят наш клан.

— Не боишься брать с собой семью?

Похоже, мои аргументы показались вождю убедительными. Осталось завершить беседу и выяснить, насколько меня готовы отпустить.

— Я буду осторожен. Хотя обычаев синекотжих соседей мы не знаем, но орки ещё ни разу не воевали с дреенеями.

— Хорошо. У тебя будет две недели, не считая дороги. Не спеши учить язык — весной снова останешься после торговли с ними. Присмотрись, выясни, что их интересует. Как вернёшься, расскажешь мне, что выяснил. Но и о клане не забывай — ты хоть и шаман, но лишь начинаешь торить тропу говорящего с духами.

— Благодарю, вождь, — откланиваюсь, собираясь уходить.

Пора обрадовать жён, что всё у нас получилось.

— Дувейли! — позвал Гултадор свою дочь, когда Аргнак ушёл. — Прибери подарки.

Вошедшая орчанка взяла принесённое гостем. Мясо и колбаса отправились в угол с продуктами, шкурку же дочь вождя ещё некоторое время перебирала в руках, запуская пальцы в густой мягкий мех. А вождь тем временем, восседая на шкурах, обдумывал прошедший разговор и его последствия. Ученик Хатгаута стал шаманом, а значит, военная сила клана вскоре увеличится. Говорящие с духами всегда были немного не от мира сего, и теперь многие проекты Аргнака нашли своё объяснение. Но не все.

Последняя просьба была странной — орки не доверяли синекотжим соседям. Много тайн и странностей было у этого высокорослого и тонкокостного народа, и шаманы опасались их ещё больше — магия дреенеев шла не от духов. Получится ли узнать что-то полезное или нет — неизвестно. Но любой исход будет полезен клану — или Разящие Топоры станут сильнее или богаче, или Аргнак, столкнувшись с трудностями, наберётся мудрости. Поражения порой несли больше пользы, чем череда побед.

<http://tl.rulate.ru/book/16932/340962>